

ГЛАВА XII

Время упущенных возможностей

Главная жертва - демократия • "Мерседесы" для правительства • Лицом к лицу с популизмом • Непонятная эйфория • В роли лидера • Выборы • Заявление об отставке • Фракция "ДВР" в Думе • Создание политической партии

ПОЛИТИЧЕСКИЙ итог случившегося: 3-4 октября в Москве состоялась скоротечная гражданская война. Коммунистические и националистические боевые дружины, действуя решительно и напористо, были близки к овладению ключевыми точками Москвы, а значит — России. Войска долго колебались, начали действовать только после явно выраженной общественностью поддержки президентской стороны. Более ста пятидесяти убитых у "Останкино" и Белого дома.

Никто из вождей радикальной оппозиции и депутатов не пострадал. Пожалуй, больше всех опозорился "президент" А.Руцкой, по очереди призывавший летчиков — бомбить Кремль, иностранных послов — гарантировать его драгоценную жизнь, а затем демонстрировавший свой автомат в смазке как главное свое алиби. По Белому дому было выпущено 12 танковых снарядов — 10 болванок, 2 зажигательных.

Через некоторое время уйдет напряжение реальной схватки, мучительное беспокойство, охватившее миллионы людей в России и в мире вечером 3 октября, когда исход противостояния был неясен. Многие из тех, кто этим вечером заклинали президента действовать самым решительным образом, вскоре начисто отрекутся от своих слов, торопясь возложить на него всю ответственность за случившееся. А образ танков, стреляющих по Белому дому, надолго останется в общественной памяти, порожд-

дая сомнение в стабильности российских демократических институтов.

К сожалению, за неспособность политических элит найти компромисс, избежать силового решения пришлось платить, и тут сразу выясняется, что главная жертва — демократия. Еще утром 3 октября президент Ельцин — лишь один из многих игроков на российской сцене, первый среди равных, ведущий при посредничестве патриарха сложные переговоры с целью найти выход из политического тупика. Утром 5 октября у него в руках вся полнота власти в стране. Из киселеобразного двоевластия мы угодили де-факто в авторитарный режим, который немалая часть народа, уставшая от этого двоевластия, от роста преступности и мечтающая о восстановлении нормального порядка, поддержит или, по меньшей мере, не будет ему активно противодействовать.

Внешне это сразу выразилось в изменении положения самого Б.Ельцина, почувствовалось по поведению окружающих его людей, по тому, как с ним общаются лидеры московской и региональных элит, главы государств СНГ. Собственно, в это время и возникают покоробившие многих барские нотки в голосе президента.

Именно тогда, в октябре 1993 года, от него, более чем когда-либо до или после, зависел выбор пути России. И он его сделал. В радикально изменившейся ситуации на референдум был вынесен уже не относительно сбалансированный компромиссный вариант новой Конституции, выработанный летом на конституционном совещании, а гораздо более жесткий, типично президентский. И все же Б.Ельцину хватило разума отказаться от резкого поворота в сторону авторитаризма. Чрезвычайное положение вскоре было отменено. Явно оппозиционные "Правда", "Советская Россия" продолжают выходить. Никакая, ни "жесткая", ни "мягкая", цензура не введена. Зато сразу назначен срок референду-

ма по новой Конституции и выборы нового парламента.

Перспективы демократических сил на предстоящих выборах не выглядят блестящими. До 4 октября в России существовало осознанное обществом двоевластие, а значит, президент, правительство лишь в ограниченной мере отвечали за ситуацию. Теперь двоевластие ликвидировано, ссылаться на него как на оправдывающее обстоятельство не приходится. Между тем, заложенная еще весной и летом 1993 года бомба экономической политики правительства, политики щедрых обещаний и фактического недофинансирования, к осени уже взорвалась. Невыполненные государственные обязательства в оплате военных заказов, расчетов за сданное зерно, гарантированные и не введенные субсидии, задержки в оплате труда врачей, учителей, выдаче денежного содержания личному составу армии и флота уже стали острой политической проблемой.

Причем оправдываться правительству просто невозможно: ведь это действительно нечестно — пообещать и не сделать. Выполнить же в полном объеме пустые обещания, которые щедро понадавали в предшествующие месяцы, — значит, подорвать российскую экономику, ее денежную систему, встать на путь финансового развала, результаты которого именно в эти месяцы особенно ярко проявляются у наших ближних соседей — на Украине, в Белоруссии, Казахстане.

Несмотря на мужественное сопротивление министра финансов Б.Федорова, избыточные, превышающие возможности российской экономики деньги все же текут в аграрный сектор, поддерживая на плаву заведомо убыточные, нежизнеспособные предприятия.

В экономике каждой страны существует так называемая лаговая зависимость — временной промежуток, разделяющий момент или период, в который государство резко увеличивает находящуюся в обра-

щении денежную массу, и начало соответствующего повышения темпов инфляции. Когда мы приступали к реформам, о длительности этого временного лага для России в ее специфических тогдашних условиях можно было лишь догадываться. Теперь, осенью 1993 года, цифра определилась достаточно четко — 5 месяцев. С таким же отставанием по времени происходит и обратное явление: ужесточение денежной политики скажется на снижении инфляции лишь 4-5 месяцев спустя. Отсюда ясно: та жесткая экономия государственных расходов, к которой правительство, видя реальную угрозу гиперинфляции, вернулось с сентября-октября 1993 года, реального влияния на сдерживание роста цен до февраля следующего года оказать не успеет. А выборы назначены на 12 декабря.

Если нет моральных ограничений, если главная цель — власть и эта цель оправдывает средства, создать экономическую базу для обеспечения победы на выборах не составляет особой сложности. Достаточно было именно теперь, когда оппозиция сокрушена, резко взвинтить объемы кредитования бюджета Центральным банком, разом расплатиться со всеми долгами, убедительно, на уровне, понятном каждой семье, показать, каким добрым, щедрым и любвеобильным может быть окрепшее правительство, если оппозиция не ставит ему палки в колеса. Ну, а платить по счетам всплеском инфляции можно потом, когда выборы выиграны...

Такое для себя исключаю сразу. На мой взгляд, это просто бесчестно по отношению к стране. Да и к тому же жизнь не кончается в декабре 1993-го. Как потом расхлебывать последствия финансовых авантюр? Но уже созданная проблема невыполненных обязательств действительно серьезна и легких решений не имеет. Единственно осмысленное, что в этой ситуации нужно делать, это немедленно прекратить дальнейшую раздачу авансов и обещаний, сократить поток государственных обязательств. Все

ресурсы текущих налоговых поступлений должны быть сосредоточены на возвращении первоочередных долгов.

Правительство принимает решение об отмене хлебных дотаций, прекращении выдачи предельно обременительных для бюджета льготных кредитов, отказе от индексации государственных капиталовложений на IV квартал, о начале поэтапного повышения платы за жилье, о пересмотре принятых в 1993 году федеральных программ, концентрируя скудные ресурсы лишь на том абсолютно необходимом, что посильно бюджету.

Направление — единственно верное. Но я быстро убеждаюсь, что в изменившемся составе правительства мои возможности эффективно проводить такую политику весьма ограничены. Наглядное свидетельство тому — история с дотациями на комбикорма. Еще летом, выбив из правительства закупочные цены на зерно, заметно превышающие биржевые, аграрное лобби без тени смущения занялось добычей бюджетных дотаций сельхозпредприятиям, которые это дорогое зерно используют для комбикормов. Логика восхитительная: сначала заплатите мне из бюджета поднебесные цены за зерно, а потом добавьте еще, так как это зерно дороговато. Правительство тогда дрогнуло, обещало платить, но, за недостатком денег в бюджете, платить так и не начало.

Твердо убежденный, что если уж явно денег на это не будет, то нужно так прямо и сказать, я сразу поставил этот вопрос и провел решение об официальной ликвидации невыполненных дотаций на комбикорма. Но буквально на следующий день это решение В.Черномырдин отменил, пустые обязательства были пролонгированы.

Все шло чрезвычайно трудно. Поистине предстояло разгрести Авгиевы конюшни. Готовые, давно назревшие, опоздавшие по меньшей мере на полгода документы по либерализации внешнеэкономиче-

ческой деятельности, сокращению круга котируемых товаров, снижению экспортных пошлин, защите прав акционеров, жилищной реформе лежали в аппарате без движения. Снова и снова убеждался, что заметно изменившийся, безмерно разбухший за минувший год аппарат правительства аморфен, недееспособен. Только если лично заниматься каждым из нормативных актов, не выпускать их из рук при визитах к премьеру, можно добиться хоть какого-то результата. Иначе все как в песок — бесследно.

Заметно изменился стиль работы, вновь возобладали знакомая по прежним годам помпезность, монументальность. В 1992 году я был твердо убежден — обязанное вместе со страной переживать тяжелый кризис правительство не может позволить себе никаких излишеств. Только в этом случае оно обретает моральное право проводить жесткие, социально конфликтные меры. Я всегда был готов предложить любому проверить расходную роспись Минфина и подсказать нам — от чего мы еще можем, а следовательно, должны отказаться.

Конечно, скромность нельзя доводить до глупости. Премьер, отправляющийся на работу в трамвае, — может, такое и хорошо для предвыборной пропаганды, но непозволительная роскошь для страны. Весь вопрос в разумности меры, поэтому, слыша то и дело возникавшие предложения о закупке “мерседесов”, о запуске в производство серии новых роскошных машин для руководства, которые в народе прозвали “членовозами”, категорически их отклонял. Когда в 1992 году вопрос о массовой закупке “мерседесов” для членов правительства поставила служба охраны, я ответил: президенту нас один, все, что надо для его безопасности, — пожалуйста. Но сам я ездил и езжу на “Волге”, другим руководителям ничто не мешает следовать этому примеру. Постепенно начал замечать, что такая позиция вызывает раздражение. Допускаю, что многое делалось вовсе не из страсти к роскоши и не из-за нескромности, возмож-

но, кто-то, по российской традиции, считал, что именно таким путем вызывается "уважение" к власти. Но мне это было явно не по душе. Подобный же перебор проявился, кстати, и в истории с обустройством Белого дома, и в проекте строительства нового здания парламента. Период, когда скромность правительства считалась нормой, отошел в прошлое. I

Видно и то, как изменилась в последнее время обстановка вокруг Б.Ельцина. В 1992 году, когда я возглавлял правительство, вмешательство какого-нибудь Коржакова или Барсукова в экономическую политику было вообще за гранью мыслимого. Они воспринимались исключительно как охранники. Теперь же факт их резко возросшего влияния — секрет Полишинеля.

Вместо четкой и последовательной линии на равные правила игры, унификации налогового и таможенного режима имеем теперь, после октября 1993 года, поток странноватых решений об индивидуальных льготах. Определенный крен в сторону коррумпированного, бюрократического капитализма, с его тесно переплетенными собственностью и властью. А моего влияния и возможностей явно не хватает, чтобы все это остановить.

Вот так и вышло, что вскоре после того, как смолк октябрьский грохот танковой канонады и стало ясно, что политическая ситуация стабилизировалась, я начал задумываться, насколько продолжительной и полезной может быть моя работа в правительстве по "второму призыву".

Тем временем усилия по сокращению ничем не обеспеченных государственных обязательств, регулированию бюджетного кризиса начали приносить результаты. Среднемесячные темпы роста денежной массы в октябре-декабре составили около 10 процентов. Значит, весной 1994 года должны будут опуститься до этого уровня и месячные темпы инфляции. Конечно, по стандартам устойчивых ры-

ночных экономик это еще слишком большая цифра, однако угроза гиперинфляции все же осталась позади.

Но вот незадача: то, что с точки зрения перспектив экономики страны является успехом, в предвыборной кампании может обернуться одной из причин серьезной неудачи. Так уж повелось, что за последствия чужих ошибок отвечают политики, которые у власти сейчас, никто не помнит и помнить не хочет, что пустые обещания раздавались весной-летом, когда и духу твоего в правительстве не было. Позитивные ростки финансовой стабилизации вызреют лишь постепенно, а пока малопопулярные решения по отмене хлебных субсидий, льготных кредитов и другие бьют по тебе, и бьют больно. Вот и получается, что мы должны проводить необходимую экономическую линию, грозящую ударить по нам политическим бумерангом. Я имею в виду приближающийся срок выборов.

Надо сказать, что к концу 92-го года, к моменту моей отставки, демократическое движение в России являло собой структурно довольно печальное зрелище. За ним еще по-прежнему оставалась достаточно мощная общественная поддержка, и популярность Ельцина была велика. Демократические митинги при хорошей подготовке собирали десятки тысяч человек. Но все заметнее проявлялась организационная слабость и раздробленность демократов. Самое мощное объединение в нашей части политического спектра — "Демократическая Россия" — находилось в стадии полураспада. Из него выходят все новые и новые политические группировки, само оно аморфно, не имеет ни фиксированного членства, ни своих печатных изданий, ни работающей системы пропаганды, ни денег, ни достаточно авторитетных лидеров. Некоторые выделившиеся из "Демроссии" структуры, в частности Республиканская партия, основанная на базе бывшей демократической платформы в КПСС, организованы лучше, но крайне ма-

лочисленны и еще менее авторитетны. Постоянно возникают все новые и новые маленькие демократические группки, отражающие лишь амбиции своих маленьких лидеров.

Понять причины слабости демократического движения несложно. Интеллигенция, которая была мотором демократических преобразований, по природе своей чужда организованной политической деятельности. Особенно же эта нелюбовь обострилась после десятилетий пребывания в хорошо организованном партийном коммунистическом ярме. Но от того, что все это мне было понятно, легче не становилось.

Впервые вопрос о необходимости для реформаторов активно включиться в политическую работу передо мной поставил весной 1992 года, во время моего визита в Прагу, Вацлав Клаус, тогда министр финансов Чехословакии. Мне тогда было важно показать, что Восточная и Центральная Европа остается для России одним из важнейших экономических и политических приоритетов, что мы отнюдь не собираемся отсюда уходить, заинтересованы в создании новых рыночных механизмов сотрудничества.

Многие из тех, кому довелось проводить реформы в постсоциалистических странах, относятся к Клаусу с чувством белой зависти. Ему достались два старших козыря на руки. Чешские коммунисты оставили страну в относительном финансовом порядке, с низким внешним долгом и ограниченными финансовыми диспропорциями. Традиционная чешская финансовая респектабельность пересилила деструктивные тенденции разваливающегося позднего социализма. Сыграл свою роль и национальный характер чехов с его устойчивой мелкобуржуазностью, которую так не любил В.И. Ленин.

Надо признать, Клаус сумел на редкость удачно распорядиться своими козырями. Конечно, и здесь было резкое падение промышленного производства в первые три года реформ, рост социального нера-

венства, скачок цен сразу после их размораживания. И все же создание базы рыночного роста здесь оказалось наименее конфликтным, уровень поддержки начатых преобразований — наибольшим. Не случайно Клаус оказался единственным, кто остался у руля на протяжении пяти лет нелегких реформ.

Совсем молодым Клаус успел поучаствовать в прерванной попытке чешских реформ 1967-1968 годов, работал заместителем председателя Национального банка, потом долгие годы был не у дел, устроился счетоводом. Лишь в конце 80-х, когда под влиянием советской перестройки режим в Чехословакии стал чуть либеральнее, ему разрешили научную работу в Институте прогнозирования (известном к тому времени в Праге как институт диссидентов). Перепады в судьбе сказались на характере, сделали Клауса человеком жестким, упрямым, иногда склонным эпатировать собеседника.

Разговор тогда, весной 1992-го, оказался для меня неожиданным и важным. Я в тот момент весь пребывал во власти преобразований, голова была забита цифрами и графиками, показателями инфляции и процентами роста денежной массы. Мы обсудили эти темы с Клаусом, а потом он вдруг резко повернул разговор на политику. Общий смысл его слов: "Я говорил Бальцеровичу, он меня не слушал, теперь повторяю вам — все эти экономические тонкости интересны и по большому счету нам всем понятны, но если вы не сумеете создать политическую базу поддержки рыночных реформ, то навсегда останетесь заложниками неожиданных маневров тех, кто позвал вас в правительство. Это очень легко может перечеркнуть все, что вы делаете или собираетесь делать. Важнейшая задача — консолидация политических сил, способных стать базой поддержки проводимых реформ. Как часто вы выступаете в аудиториях, перед публикой, объясняете свои взгляды, убеждаете? Редко? А я вот не жалею для этого времени, делаю это несколько раз в неделю".

Конечно, легче всего было отмахнуться от сказанного, возразить, что доказывать необходимость либеральных реформ в насквозь пронизанной буржуазным духом Чехии совсем не то, что пытаться создать им базу поддержки в России. И все же разговор заставил всерьез задуматься о политическом обеспечении начатых преобразований.

На посту премьера хорошо осознал всю серьезность трудностей, связанных с организационной слабостью, беспомощностью демократического движения. При всей искренней и самоотверженной готовности значительной части демократов поддерживать нелегкую политику 92-го года, их раздробленность и слабость резко снижали эффективность такой поддержки.

Лидеры, соревнующиеся между собой за влияние демократических групп, неоднократно предлагали мне включиться в политическую борьбу просили оказать им содействие. Все подобные предложения я отклонял, ссылаясь на то, что это не мое поле деятельности. Но готов был оказать содействие объединению как можно более широкого круга демократов. Особенно потребность в таком объединении возросла к весне 1993 года, когда началась подготовка к референдуму. Демократическим силам необходимо было добиться на нем победы.

Неоднократно собирались вместе. Иногда у Геннадия Бурбулиса, иногда у Аркадия Мурашева, у меня. Состав разный — Александр Яковлев, Гавриил Попов, Сергей Шахрай, Глеб Якунин, Лев Пономарев, Владимир Лысенко, Сергей Ковалев, Борис Золотухин, Анатолий Собчак, Сергей Юшенков, Михаил Полторанин. Обсуждали складывающееся положение, договаривались о координации действий. И каждый раз возникает тема — что делать после референдума? Есть общее широкое понимание того, что наиболее вероятным результатом кризиса власти неизбежно станут досрочные выборы осенью 93-го или, в крайнем случае, весной 94-го. Идти на такие

выборы слабыми, организационно раздробленными предельно опасно. Отсюда постоянные дискуссии о том, как же добиться объединения демократов, как сформировать дееспособную демократическую организацию.

Суть проблемы. Действующие демократические структуры, и в первую очередь “Демроссия” в силу сложившихся внутри нее сложных отношений, вряд ли могут стать базой объединения. Вместе с тем любая попытка построить новую организацию — это неизбежно кризис организации существующей, новые и совершенно ненужные конфликты. Постепенно выкристаллизовываются два подхода: либо создание широкого предвыборного блока, без внутренней организационной структуры, объединяющего существующие группы, либо — новая организация, призванная заменить собой действующие. Наиболее энергичные сторонники первого варианта — лидеры “Демроссии” — Лев Пономарев, Глеб Якунин, Илья Заславский. Последовательные защитники второго — Геннадий Бурбулис, Аркадий Мурашев, Алексей Головков, люди, отношения которых с руководством “Демроссии” не сложились.

До конца весны — начала лета играю в этих переговорах скорее роль посредника, пытаюсь примирить как можно более широкий круг единомышленников, разделяющих общие стратегические программные положения, но отчужденных, на мой взгляд, мелочными, тактическими, иногда просто амбициозными соображениями. Пытаюсь всех со всеми мирить, вырабатывать компромиссные предложения, отводить ультиматумы. Лишь постепенно начинаю понимать, что логика развития событий подводит к совершенно непривычной для меня роли одного из лидеров российского демократического движения.

Работают факторы предшествующей моей политической невовлеченности, отсутствие за мной долгой истории взаимных претензий и обид прошлых

лет. Демократы в 1992 году оказали поддержку нашему курсу. В апреле 1993 года на референдуме поддержали президента. В том числе сказали "да" по наиболее сложному второму вопросу — о поддержке нашей экономической политики. Я, как человек, отождествляющий собой эту политику, неожиданно оказываюсь одной из наименее конфликтных фигур демократической части политического спектра.

Роль демократического лидера для меня на редкость неудобна, внутренне не моя. Прекрасно отдаю себе отчет в своих слабостях как публичного политика, призванного агитировать, объяснять, выигрывать выборы. И вместе с тем, сознаю раздробленность и слабость демократических организаций. Те люди, которые поддерживали нас в 1992 году, имеют моральное право потребовать от меня отдачи. Сейчас им нужно мое имя, которое может помочь их объединению. Довольно долго размышляю над всем этим и в конце концов не решаюсь отказать им. Возможно, совершаю серьезную ошибку, все-таки делать лидером российских демократов человека, с именем которого для многих людей связаны потери и трудности, наверное, опасно.

К осени 1993 года пытаемся примирить демократов. Общий принцип — соединяем всех единомышленников, согласных в главном. И не берем в расчет тех, кто выдвигает ультимативные требования, настаивает на исключении из объединения той или другой демократической организации. В результате формируем включающий десятки демократических организаций широкий предвыборный блок "Выбор России".

В целом, надо признать, конструкция получается на редкость аморфной, лишенной организационной целостности. Конфликты в центре дополняются тяжелыми распрями на местах. Предвыборный штаб вынужден заниматься претензиями кандидатов в депутаты по одному и тому же округу, каждый из которых убежден, что он-то и есть подлинный предста-

витель "Выбора России". Особенно усложняется ситуация после трагических октябрьских событий 1993 года.

При всем том значительная часть политиков демократической ориентации пребывает в состоянии мало понятной для меня эйфории. Сказывается, наверное, влияние апрельской победы на референдуме. Царит общее ощущение неизбежного успеха на предстоящих выборах. Вопрос только в том, кто из демократов будет первым. На выборы параллельно с "Выбором России" идут ПРЕС Сергея Шахрая, РДДР Анатолия Собчака, "ЯБЛОКО" во главе с Григорием Явлинским. Мои призывы к единству всех демократов перед угрозой коммунистического реванша воспринимаются скептически: "Что там еще Гайдар паникует? Какие коммунисты? С ними уже покончено!"

Хорошо понимаю опасность происходящего. Особенно нелепым выглядит то, что даже члены одного правительства идут на выборы под флагами двух разных и соревнующихся блоков — "Выбора России" и ПРЕСа. Убеждаю Шахрая снять свой список, предлагаю ему первое место лидера в списке "Выбора России", сам я мало ценю это место, мечтаю переложить предвыборную суету на кого-нибудь из демократов. Тем более, что в должности первого вице-премьера правительства вынужден решать тяжелейшие стабилизационные проблемы. Назревают шахтерские забастовки. Только что либерализованы цены на хлеб. Мы ведем тяжелую борьбу с аграрным лобби вокруг выбитых им, но не обеспеченных финансовыми ресурсами обещаний.

Сергей Михайлович, однако, предложение мое отклоняет. Может быть, потому, что в "Выборе России" немало людей, чье радикально-демократическое прошлое может ему повредить, на Гайдара ведь зуб имеют многие. Позже, за месяц до выборов, московское правительство в лице Юрия Михайловича Лужкова организует коалиционные переговоры

между ведущими демократическими блоками. Нарядом с нами на этом уровне документ обсуждают представители "Выбора России", "Яблока", ПРЕСа, РДДР. Встречаемся у Лужкова: Явлинский, Шахрай, Попов, Бурбулис и я. Лужков настаивает на необходимости объединения усилий. Дальше выявляются позиции каждого. Выясняется, что ни Явлинский, ни Шахрай, ни Попов подписать объединительный документ не готовы. Я остаюсь в далеко не гордом одиночестве.

Занятый по горло чиновничьими заботами, все больше убеждаюсь, что, как один из создателей "Выбора России", могу худо-бедно сыграть роль посредника в примирении многочисленных демократических организаций, но никак не роль организатора избирательной кампании. Между тем, в "Выборе России" немало опытных, талантливых политиков, разбирающихся в выборных коллизиях куда лучше меня. Геннадий Бурбулис, например, возглавляющий наш предвыборный штаб. Или Михаил Полторанин, отвечающий за пропаганду, или Алексей Головков, ответственный секретарь штаба. Я готов лояльно выполнять их указания, появляться там, где мне велено, выступать в теледебатах, но отнюдь не быть стратегом и организатором всей работы.

Принципиальный для нас вопрос — позиция Ельцина. "Выбор России" сформирован как блок людей, поддерживавших и поддерживающих его политику. На деле он и есть наш естественный политический лидер. К концу осени 1993 года за ним еще огромная общественная поддержка. А значит, если на выборы идет четко обозначенный блок Ельцина, то и выбор для избирателей довольно прост и ясен: "за" или "против" его политики, начатой в 1991 году. И тогда есть серьезные шансы на успех, возможность заметно укрепить позиции демократов во вновь избранных органах государственной власти. 10 октября вместе с ним летим в Японию, по дороге обсуждаем политическую ситуацию, договариваемся, что 17-го он придет на съезд "Выбора России".

По возвращении узнаю, что президент изменил решение, не придет. Видимо, некоторые из ближайших помощников убедили его, что он должен выступать в роли отца нации, отказаться от вмешательства в текущую политическую борьбу и парламентские выборы. Думаю, это было политической ошибкой. Его уход от предвыборной борьбы под демократическим флагом вызвал определенное замешательство в кругу его сторонников, а значит, сыграл на руку коммунистам и националистам.

Избирательная кампания явно не заладилась. Уверенность, под впечатлением октябрьской победы, в легком успехе на выборах, подогреваемая прессой и опросами общественного мнения, оказала демократам медвежью услугу. Легкомыслие и беззаботность способствовали демобилизации демократического электората. А между тем экономическое положение страны было не из простых. Мы, как я уже говорил, с колоссальным напряжением пытались расхлебать последствия летних экономико-политических ошибок и демагогии пустых обещаний. Одно за другим принимали непопулярные решения. И естественно, что "Выбор России" вынужден нести ответственность за все эти шаги правительства.

Естественно и то, что по тактическим соображениям ПРЕС и другие демократические партии и группы стремятся дистанцироваться от правительства и "Выбора России". Противоестественно другое: критикуя нас, они невольно солидаризуются с коммунистами и национал-патриотами. И президент тоже безмолвствует, воспаряя над всеми.

А тут еще возникают и персональные проблемы. Регулярно публикуемые газетами рейтинги влиятельности различных политиков показывают, что я вслед за президентом оттесняю на третье место Виктора Черномырдина, а потом — и на второе место самого Ельцина. Какой-то бред, смахивающий на провокацию. Ведь у многих на памяти, что в декабре 1992 года назначение Черномырдина было как бы

вынужденн
позиции. А
случае уст
смена руко
опять стан
способству
нах россий
те.

Борис I
же, впервые
дистанцию
регулярно ;
спективах.

его, обещая
вуетея, он х
Послед
борами 199
зультаты. П
поддержки
практическ
сии". Если т
жет набрат
рый постоя
Гозман, под

Особен)
ветствии с
открытой п
тических и;
беда "Выбо
особенно о;

14 декаб
Наш блок с
цию в Госуд
век. Следу
ЛДПР - 59
наряду с "I
ПРЕС и "ЯI
чуть меньше
ную Думу. С

вынужденным компромиссом, уступкой Ельцина оппозиции. А потому распространяются слухи, что в случае успеха демократов на выборах произойдет смена руководства в правительстве и злодей Гайдар опять станет его главой! Все это, скажем прямо, не способствует добрым отношениям в верхних эшелонах российской власти, а также предвыборной работе.

Борис Николаевич ничего мне не говорит, и все же, впервые за долгие месяцы, чувствую холодок и дистанцию. Виктор Степанович, со своей стороны, регулярно заводит разговор о послевыборных перспективах. Перспективы сложные, но успокаиваю его, обещая поддерживать на посту премьера. Чувствуется, он хотел бы более твердых гарантий.

Последняя неделя перед демократическими выборами 1993 года приносит очень тревожные результаты. По данным опросов ВЦИОМа, уровень поддержки Жириновского быстро идет вверх, он практически сравнялся с поддержкой "Выбора России". Если такая тенденция продолжится, ЛДПР может набрать больше голосов, чем мы. Анализ, который постоянно осуществляет мой советник Леонид Гозман, подтверждает те же неприятные перемены.

Особенно нелепо в этой ситуации то, что, в соответствии с законодательством, опросы не подлежат открытой публикации. Значительная часть демократических избирателей по-прежнему уверена, что победа "Выбора России" гарантирована и можно не особенно озабочивать себя участием в голосовании.

14 декабря. Опубликованы результаты выборов. Наш блок сможет сформировать крупнейшую фракцию в Государственной Думе общим числом 75 человек. Следующей по численности будет фракция ЛДПР — 59 депутатов. Два демократических блока наряду с "Выбором России" прошли в Думу, это ПРЕС и "ЯБЛоко". У каждого из них будет фракция чуть меньше 30 человек. В целом получаем разделенную Думу. Соотношение сил между коммунистами и

демократами чуть лучше, чем было на Съезде народных депутатов. Ничего страшного вроде бы не произошло. И все же огромный разрыв между ожиданиями, порожденными апрельским референдумом, и реальностью воспринимается как поражение демократов.

Сегодня, когда за плечами опыт прошедших пяти лет, думаю: именно период осени–зимы 1993 года был поворотным пунктом, когда ошибки демократической власти оказали наиболее серьезное воздействие на дальнейшее развитие событий. Я не могу согласиться с мнением таких весьма проницательных западных наблюдателей, как Андреас Ослунд или Майкл Макфол, которые полагают, что наиболее серьезную ошибку Борис Ельцин допустил осенью 1991 года, когда не распустил Съезд народных депутатов и не провел новые выборы. Убежден — такой возможности в то время просто не было. Тогда, в сентябре–октябре 1991 года, Верховный Совет только что энергично поддержал Ельцина в его противостоянии ГКЧП, он оставался авторитетным демократически избранным органом власти. Союзные органы управления хотя и потеряли реальное влияние и авторитет, но по-прежнему легально существовали. Российские же оставались еще крайне слабыми, и у Ельцина не было конституционных прав роспуска Съезда народных депутатов. В этой ситуации любая попытка двинуться в направлении досрочных выборов была бы абсолютно непонятной обществу, а потому и обреченной на провал.

В анализе деятельности Ельцина периода осени 1991-го — осени 1993 года часто забывают о том, что все это время он действовал в обстановке двоевластия, постоянных противоречивых решений исполнительной и законодательной властей, борьбы, которая распространялась из Москвы на российские регионы. Элементом реальной жизни была полная зависимость таких важнейших структур российской государственной власти, как прокуратура, Централь-

ный банк, Пенсионный фонд, от политизированного большинства Верховного Совета, который с конца 1992 года сознательно стремился ослабить позиции президента, дестабилизировать положение в стране.

4 октября 1993 года ситуация радикально изменилась. После опаснейших событий в Москве кризис двоевластия был однозначно разрешен, президент впервые получил в свои руки огромную реальную власть в России. Вопрос теперь был в том, насколько он сумеет ею распорядиться. Именно 5 октября 1993 года открывалась реальная возможность радикально ускорить преобразования в России по всем направлениям, причем не свертывая демократических свобод и гарантий. Предшествующие события хорошо показали, кто чего стоит из руководителей органов государственной власти и в центре, и на местах. Можно было немедленно и не опасаясь противодействия организованной оппозиции начать реформу вооруженных сил, сократить численность армии, сделать ее более компактной, но лучше управляемой, лучше вооруженной. Надо было взять в руки реальные рычаги контроля за бывшим Комитетом государственной безопасности, до этого, при всех своих переименованиях, явно не работавшим на российскую демократию. А также — радикально поменять кадры на местах, выдвинуть людей, доказавших свою приверженность реформам и демократии, всерьез взяться за проведение аграрной реформы, реформы системы социальной поддержки, упорядочить налоговый режим, решительно запретить пропаганду фашизма и коммунизма, действия организаций, разжигающих социальную и национальную рознь.

• Осенью 1993 года мы довольно дорого заплатили за жизненно необходимые мероприятия по финансовой стабилизации, но создали немалый задел для решительного перелома во всей экономической конъюнктуре. Продолжив и интенсифицировав

продвижение по этому направлению, было возможно уже в 1994 году добиться радикального снижения темпов инфляции, стабилизировать курс национальной валюты, снизить процентную ставку, заплатить за это неизбежную дополнительную политическую цену, но войти в 1995 год со стабильными финансами и серьезными предпосылками экономического роста на рыночных основаниях, что позволило бы уже тогда запустить механизм повышения благосостояния. А значит — и прийти к следующим парламентским и президентским выборам с видными, ощутимыми для людей результатами заработавшего рынка.

Обо всем этом я неоднократно в то время говорил президенту, пытался склонить его к энергичным действиям по всем направлениям. Он слушал, соглашался, но решений не принимал, явно откладывал их до выборов и принятия новой Конституции. Именно здесь особенно отчетливо проявилось уже известное мне качество его характера — склонность к резким переменам настроения, быстрым переходам от энергичных действий к пассивности. Правда, отчасти такое поведение его в тот период можно понять. Когда я вернулся в правительство в сентябре 1993 года, Виктор Степанович в первой же нашей беседе сказал мне, что президенту нелегко дали последние месяцы противостояния. Начав работать, я быстро в этом убедился и сам. Было ощущение, что президент смертельно устал от постоянного напряжения, от тяжести, лежащей на плечах, потерял значительную часть энергии, стал медленнее ухватывать главную мысль, стержень любого разговора. Отсюда, я думаю, и его просчеты в тактике во время разрешения кризиса сентября-октября 1993 года, и полоса политической пассивности, выжидания, последовавшая непосредственно за октябрьским кризисом.

Андрей Козырев позже говорил мне, что президент, на его взгляд, был готов к серьезному полити-

ческому прорыву в случае успеха демократов на выборах. Но успеха не случилось. Результаты декабрьских выборов стали для президента неприятнейшим сюрпризом. Когда появились первые предварительные итоги, он даже позвонил мне и спросил, подтверждают ли наши данные те, что поступают по каналам Центризбиркома. Настроение у него было подавленное, пожалуй, такое же, как в ночь с 3 на 4 октября.

Однако и после того, как результаты выборов стали известны, я был убежден, что единственно разумной стратегией остается линия на ускорение реформ. Да, у нас не будет большинства в новом составе Федерального Собрания. Но "Выбор России" теперь самая крупная фракция парламента, Конституция предоставила президенту широчайшие полномочия, а правительству — значительную меру автономии. Кроме того, у президента — и эффективное право вето, которое очень трудно преодолеть, и широкие возможности нормотворчества.

В целом политическая база для проведения последовательной реформаторской политики стала неизмеримо более благоприятной, чем в 1991-1992 годах. Еще раз пытаюсь убедить Ельцина в своей правоте. Прихожу к твердому убеждению — сейчас это невозможно: неудача на выборах воспринята им как сигнал к отступлению, политическому маневру, частичной смене ориентиров. Значит, проводить тот курс, в верности которого я убежден, не удастся. Тогда в чем смысл дальнейшего пребывания в составе правительства? Выполнять роль символа, обозначающего для Запада, для российских демократов, что реформы продолжают? Это не для меня.

После выборов в правительстве произошли перестановки. Президент предложил мне продолжить работу в качестве первого вице-премьера. Однако к концу декабря — началу января я пришел к твердому убеждению: правительство в его нынешнем составе на новый тур серьезных реформ идти не готово. В

нем снова возобладали идеи поиска немонетарных методов борьбы с инфляцией и отказа от экономического романтизма. Мои попытки проводить решения, которые считаю **необходимыми**, почти всякий раз стопорятся. На протяжении месяцев не могу даже выпустить постановление о давно назревшем сокращении штатов возглавляемого мной Министерства экономики.

Последней каплей стала шокирующая история с решением о строительстве шикарного административного дворца для парламента, о чем я уже вкратце говорил. Позвонил руководителю аппарата правительства В.Квасову, услышал заверение, что такого решения правительство не принимало. А через два дня получил его готовеньким прямо в руки.

На сей раз раздумывал недолго. Сел за стол, взял ручку:

Уважаемый Борис Николаевич!

Более двух лет назад Вы оказали мне и моим коллегам огромное доверие, поручив нам осуществлять проводимые под Вашим руководством радикальные экономические реформы. Работая заместителем, первым заместителем и исполняющим обязанности председателя правительства Российской Федерации, я старался сделать все для того, чтобы экономика России быстрее встала на ноги, чтобы тяжелый и болезненный для каждого гражданина переходный период был пройден как можно быстрее. Благодаря мужеству и терпению наших сограждан, благодаря Вашей решительности и последовательности нам удалось не только избежать социальных и экономических катаклизмов, подобных тем, что сотрясают сейчас многие республики бывшего СССР, но и заложить основы будущего возрождения страны.

Условия нашей работы в правительстве никогда не были идеальными. Вам прекрасно известно, сколь многого нам не удалось осуществить не из-за объективных обстоятельств, а вследствие непрекращающегося давления консервативных политических кругов. В сентябре 1993 года,

соглашаясь вернуться в правительство, я отдавал себе отчет в том, что, отвечая в глазах общества за экономическую реформу, я буду обладать лишь ограниченными рычагами воздействия на экономическую ситуацию. Но я надеялся, что понимание общей ответственности за страну позволит правительству, пусть и состоящему из людей разных воззрений, объединиться вокруг президента и проводить курс, необходимый для стабилизации экономики и предотвращения катастрофы.

К сожалению, в последнее время все чаще принимаются решения, в подготовке которых я не участвовал и с которыми выражал категорическое несогласие. Приведу лишь два новых примера.

Подписано межбанковское соглашение об объединении денежных систем России и Беларуси. Такое объединение возможно, если его тщательно подготовить, отработать все механизмы контроля, защищающие российские национальные интересы. То же, что предусмотрено в подписанных документах, - лишь воспроизводство хаоса в денежной области за счет реальных доходов российских граждан. В частности, реализация этого решения приведет к тому, что минимальные зарплата и пенсия в Беларуси будут существенно превышать минимальные зарплату и пенсию в России. Мы не настолько богаты, чтобы приносить благосостояние россиян в жертву политической конъюнктуре. Я возражал против этого решения, но мои протесты не были услышаны.

Трудно понять и решение о строительстве нового здания парламента (ориентировочная стоимость - 500 миллионов долларов). Эта сумма значительно превышает средства, которые были с трудом выделены в 1993 году для бюджетного фонда конверсии. Это внятеро больше расходов федерального бюджета по статье культуры и искусства или примерно пятая часть всего финансирования социальной сферы в прошлом году. Такое разрушительное по своим последствиям решение было также подготовлено без моего ведома и принято, несмотря на мои самые решительные возражения. В подобной ситуации лично мне трудно оправдывать политику жесткой экономии в рас-

ходах на науку, культуру, образование, экологию. Есть тяжёлые, но неизбежные издержки жизненно необходимых преобразований, однако с ними нельзя смешивать плату за поспешные и непродуманные решения.

Уважаемый Борис Николаевич! Л не могу быть одновременно и в правительстве, и в оппозиции к нему. Я не могу отвечать за реформы, не имея возможности предотвращать действия, подобные тем, о которых здесь было сказано, не обладая необходимыми рычагами для последовательного проведения экономической политики, в правильности которой убежден.

Поэтому, к моему глубокому сожалению, я вынужден отказаться от предложенного мне поста первого заместителя председателя правительства РФ. Вместе с тем заверяю Вас, что буду твердо поддерживать Вас и Вашу политику реформ.

С уважением Егор Гайдар

Зашел к Борису Николаевичу, объяснил ему свои мотивы. Он сказал, что понимает меня. Попросил его отменить безумное решение по парламентскому центру и быть предельно осторожным с расширением рублевой зоны, слишком дорого в 1992 году мы заплатили за отсутствие российского рубля в начале реформ, чтобы на ровном месте ставить его под угрозу. Борис Николаевич пообещал. В Москве в это время с официальным визитом находился президент США Б.Клинтон, поэтому мы договорились, что о моей отставке будет сообщено после его отъезда.

Решение о строительстве парламентского центра президент, как и обещал, отменил. Вопрос о единой рублевой зоне застрял в переговорах до президентских выборов в Беларуси. А затем и вовсе отодвинулся в неопределенное будущее.

Между тем, с февраля, как и предполагалось, начала давать видимые результаты сдержанность экономической политики осени-зимы 1994 года. Темпы инфляции упали ниже 10 процентов в месяц. Впоследствии, особенно после того, как в 1994 году были столь бездарно промотаны результаты стабилизации

онных усилий осени 1993 года, после "черного вторника" и резкого ускорения инфляции, перечеркнувшего надежды на стабилизацию и экономический рост в 1995 году, неоднократно думал о том, правильное ли решение принял тогда — в январе 1994 года. Один из уважаемых мною политических журналистов-аналитиков Николай Карлович Сванидзе убеждал меня в том, что решение было ошибочным, что в России действует железный принцип — "кто уходит, тот проигрывает". Наверное, в чем-то он прав.

Оставшись в правительстве, я имел бы какую-то возможность влиять на ситуацию, противостоять новой инфляционной накачке экономики, начатой с апреля 1994 года, громче сказать о ее неизбежных разрушительных последствиях, может быть, чуть раньше, до "черного вторника", убедить президента, премьера и руководство Центробанка в необходимости корректировать опасный курс и предотвратить критическую ситуацию с валютными ресурсами в январе 1995 года.

И все же даже сегодня эти рассуждения кажутся мне крайне абстрактными, умозрительными. По состоянию на январь 1994 года, мои возможности влиять на процесс принятия принципиальных экономико-политических решений были практически нулевыми. В этом разительный контраст с маем 1992 года, когда тоже всерьез обдумывал возможность отставки. Тогда, при всей трудности, в руках оставались мощные инструменты борьбы, влияния на развитие событий, теперь — одна бутафория. Согласившись же остаться в правительстве на сугубо декоративной роли, я просто продемонстрировал бы готовность примкнуть к когорте людей, для которых сам факт пребывания у власти или рядом с нею — самоцель. А если уж встал в этот строй, не обессудь, что с твоим мнением можно не считаться, — перетопчешься. Борис Николаевич хорошо знал, что я не держусь за высокое положение в государственной иерархии. Согласиться на декоративную роль в по-

литике, которую явно не поддерживаю, значило полностью подорвать, а не сохранить возможность влияния на президента.

Вместе с тем, я понимал, что, и выйдя из правительства, сохраняю в глазах общественного мнения значительную долю ответственности за все, что происходит в стране. Эта ответственность распространилась и на "Выбор России" в целом, и на его фракцию в Думе.

Сразу после выборов, результаты которых разочаровали многих из наших сторонников, отчетливо выявились внутренние слабости коалиции, каковой был блок "Выбор России". Сама широта, некая, как я уже отмечал, идеологическая аморфность избирательного объединения, присутствие в нем немалого количества людей, ориентированных не столько на демократические ценности, сколько на власть, которую давал статус правящей партии, порождали непростые проблемы. На поверхность они всплыли уже при выборе председателя думской фракции.

На эту роль я предлагал кандидатуру Сергея Адамовича Ковалева, одного из самых авторитетных лидеров российского демократического движения еще с диссидентских правозащитных времен, младшего друга и близкого соратника Андрея Дмитриевича Сахарова. Был убежден — его моральный авторитет будет очень важен для формирования политического либеральной фракции в Государственной Думе. Сергей Адамович Ковалев шел вторым в избирательных бюллетенях "Выбора России", и мне казалось, что его избрание будет вполне естественным, понятным нашему избирателю. Неожиданно узнал, что на эту же роль претендует Геннадий Эдуардович Бурбулис, возглавлявший избирательный штаб "Выбора России". Это осложнило ситуацию. При сильных качествах Бурбулиса как аналитика, генератора идей, стратега отношение к нему даже среди демократических избирателей было очень сложным, нередко негативным. Роль публичного политика ему

явно не давалась. Главное — у меня было твердое убеждение, что многие люди, голосовавшие за нас, просто почувствуют себя обманутыми, если лидером "Выбора России" в парламенте станет Геннадий Бурбулис.

С осени 1991 года, с начала совместной работы в правительстве, я сохранил к нему самое глубокое уважение. И потому попытался объяснить, что в "Выборе России" для него зарезервировано любое, самое высокое место, кроме ее председателя, то есть публичного лица фракции. К сожалению, еще раз убедился, что, как это нередко бывает, трезвое видение ситуации отказывает даже тонким аналитикам, когда дело доходит до тебя лично, до твоей роли, твоих возможностей.

На фракции, при обсуждении вопроса о лидерстве, дискуссия приобрела острый и даже не всегда корректный характер. Явно обозначилась опасность раскола. И это еще до начала реальной парламентской работы! Уже по ходу обсуждения в разгар дебатов пришлось для достижения компромисса сделать то, от чего категорически отказывался, — дать согласие на мое избрание лидером парламентской фракции. Так, один раз согласившись летом 1993 года, тоже в порядке компромисса, принять на себя роль лидера демократов, вынужден был и дальше расхлебывать последствия этого шага, все теснее связывая публичное лицо демократии со своей весьма противоречивой в общественном сознании персоной.

Наш блок шел на выборы с хорошо проработанной программой законотворческих работ, стержнем которой были защита частной собственности, формирование правовых основ стабильного функционирования рыночных институтов. Надо понять всю сложность этой задачи, особенно после семи десятилетий режима, для которого частное предпринимательство было не просто ругательным словом, но и уголовно наказуемым деянием, а потому дух непри-

ятия частной собственности пронизывал все законодательство, всю правоприменительную деятельность. Сложность же состояла в том, что утвердить статьи, защищающие частную собственность, путем указа или декрета невозможно — тут нужна мощная социальная поддержка снизу, которая, в свою очередь, может появиться только тогда, когда необходимость в защите интересов собственника будет осознана и востребована качественно новым общественным сознанием, влиятельными социальными силами.

Поначалу народившийся частный сектор был подобен **младенцу**, вышедшему из лона матери, но еще соединенному с ней пуповиной. Предстояло отсоединить его от прошлого, чтобы он задышал собственными легкими. Он все более настоятельно требовал кислорода. Конфликты собственников и директоров предприятий, необходимость защиты прав **акционеров**, масштабные финансовые спекуляции, влекущие за собой экспроприацию имущества вкладчиков, — все это стало реальностями жизни к концу 1993-го — началу 1994 года. Отсюда вполне понятные приоритеты нашей законотворческой **работы**: Гражданский кодекс, Закон об акционерных обществах, Закон о ценных бумагах, выработка нового Уголовного кодекса, попытки добиться принятия земельного законодательства, легализующего частный земельный оборот, и многое другое.

Работавшие в нашей фракции авторитетные юристы Михаил Митюков, Борис Золотухин, энергично присоединившийся к ним Виктор Похмелкин, активно работавшие Григорий Томчин, Валентин Татарчук, Александр Починок и многие другие депутаты быстро вывели "Выбор России" в бесспорные лидеры по законотворческой деятельности. В целом, обобщая сделанное за два года работы фракции в Государственной Думе, можно сказать, что достигнутые результаты превзошли самые наши оптимистичные ожидания. Сам факт принятия Граждан-

ского кодекса, этой конституции частной собственности, при энергичной оппозиции ему коммунистов стал бесспорной победой.

Наиболее тяжелое поражение мы потерпели в области земельного законодательства. Здесь любые попытки добиться правового закрепления прав частной собственности на землю, частного земельного оборота сталкивались с мощной оппозицией коммунистов и аграриев. Не только не удалось принять предложенный нами закон о земле — нам еще пришлось согласиться на замораживание земельных разделов Гражданского кодекса и Закона об ипотеке. Практически эта сфера была целиком выведена из рыночного законодательства. Однако это, пожалуй, наиболее серьезное исключение. В целом же результаты законотворческой деятельности в V Государственной Думе в области защиты частной собственности показывали: напористая и энергичная работа, эффективное использование механизма президентского вето позволили добиться немало, вопреки пессимистическим прогнозам начала 1994 года, чего нельзя сказать, к сожалению, о политических итогах. Здесь очень быстро выявилась фундаментальная проблема — неопределенность и сложность отношений фракции с правительством. Несмотря на мою отставку, на мне, а следовательно, и на моих коллегах лежала ответственность за последствия экономических преобразований в России. Так или иначе, мы оставались ответчиками за каждый промах, за каждый просчет Ельцина и Черномырдина. Отсюда естественное стремление добиться влияния на практически проводимую политику. На протяжении всей работы Думы фракция обсуждала с правительством все проблемы, связанные с рыночно ориентированным законодательством, защитой прав собственности, поддерживала любые его разумные инициативы в финансовой области, критиковала популистские инициативы, исходившие в Думе прежде всего от фракции КПРФ, аграриев, ЛДПР.

Особенность тактики ЛДПР состояла в том, чтобы, громко понося правительство, одновременно вести с ним закулисный торг, выговаривая себе различные уступки в обмен на поддержку по ключевым голосованиям. От своих друзей в правительстве хорошо знаю, что ЛДПР отнюдь не была монополистом в проведении подобной линии. Таким образом, "Выбор России" оказывался в наиболее проигрышном положении. Открыто поддерживая любые разумные, пусть даже непопулярные шаги правительства, мы, вместе с тем, никогда не торговались с ним за эту поддержку. Но и не стеснялись критиковать его, когда считали необходимым.

Мы приветствовали каждый разумный реформаторский шаг Ельцина и Черномырдина и первые выступали против них, когда они делали нечто безответственное, как это было, в частности, с началом чеченской войны. Но, опять же, как только Черномырдин начал переговоры по Буденновску, наша фракция первой выступила на его стороне. Все это время мы проводили одну и ту же линию: поддержку демократии, частной собственности, стабильности и мира. К сожалению, радикально менялась по этим вопросам позиция власти. Многие же избиратели восприняли нашу последовательную политику как непоследовательность курса.

Весной 1994 года, извлекая уроки из выборов 1993 года, приходим к выводу: необходимо сформировать более жесткую, упорядоченную структуру в либеральной части политического спектра. Как бы ни была сильна аллергия на слово "партия", понимаем, что нам действительно нужна организованная партия либерально-демократического направления, способная проводить систематическую пропагандистскую и политическую работу в регионах России. Ее естественная база — движение "Выбор России" и "Демократическая Россия", а также отдельные политические группы, сохранившиеся от широкой коалиции, обеспечившей в свое время победу Ельцина.

Летом 1994 года такая структура возникает. Это — партия "Демократический выбор России". Мы еще не знаем тогда, что уже через несколько месяцев ее ждут тяжелые испытания.